PG3476
.A55
T73
1927

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

ТРЕТЬЯ КНИГА

1 * 9 * 2 * 7

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕХА ПОЭТОВ
МОСКВА

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008184573

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

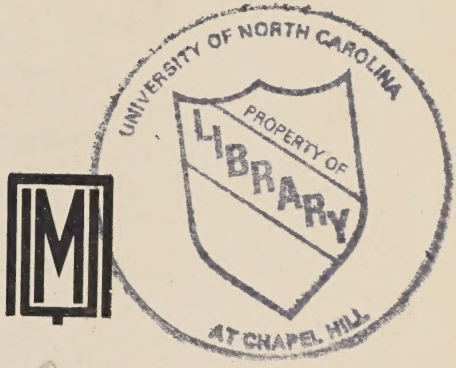
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.A55
T73
1927

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

ee PG3476
c .A55
T73
1927

ТРЕТЬЯ КНИГА



TRET'IÂ KNIGA

1 * 9 * 2 * 7

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕХА ПОЭТОВ
МОСКВА

Набрано и сверстано учениками бригадного ученичества при типографии и словолитне „Красная Пресня“
Столярный переулок, дом № 5-7. Тел. 1 80-20.
Главлит 79127. Тираж 1.250 экз.

В С Т У П Л Е Н И Е

Лазаретных ли знобит,
Говорят ли рвы раскопок,
Иль планеты из орбит
Рвутся в стекла телескопов?

Так зачем смолкает автор,
И кончается рассказ,
И качнулся плотью правды
Обрастающий каркас?

Вот скрипят узлы колен,
Ржавой проволкой скрепленных
Век растет, как из пеленок,
Из наивных кино лент.

Век растет гигантом добрым,
Погремушку мнет в руке.
На простой мотив подобран
Гул в его почной реке.

Сухость ранних чертежей
И—ярчайший крик рекламы
Это зуд в плечах, уже
Набухающих крылами.

Это лысый как колено
Пущен в мирный оборот
Радужный пузырь вселенной,
Жадно пьющей кислород.

Это влажная заря,
Помесь крови и сирени.
Это первый день творенья
На скользоте пузыря.

Это вылепленный грубо
На заре шестого дня
Глины дышущей обрубок
Дико смотрит на меня.

Ф И Г У Р Ы

1. СТАРИК.

Засыпая с отчаянным звоном как табор,
Осыпаясь, как пудра с косы,
С каждой четвертью часа мертвели часы.
Воспаленные меркли глаза канделябр.

Он не спал. И скрипел он гусиным пером.
И казалось,—чело залито
Не луной, а посмертным седым серебром,
От которого не просыпался никто.

Он как ястреб кружил по небесным орбитам,
И над числами слепли глаза.
И как ястреб он хохлился, ногти грызя,
И в жабо уходил подбородком небритым.

И для этого зябнущего горбуна
Все сливалось в безсмысленный гам.
Где-то в бурных дебатах гремел трибунал,
И звонила кирка по каким-то богам,—

Умирал восемнадцатый век,—и тиары
Полыхали на чучелах тьмы,—
И в Бастилию бреда ломились умы,—
И фанатики правили террором ярым,—

Для того, может быть, чтобы сей меловой
Наконец озарился оскал,—
И весь мир опрокинулся вниз головой
Перед ним в ледяные озера зеркал.

И уже на бумаге был бешенный росчерк,
И накапанный воск зашипел,
Когда он захрипел и, упав, не успел
Кончить начатой мысли:
—А может быть проще...

И она продолжалась:
—Ни гений, ни век,
Ни звезда, ни одна из цитат
Не вольны, если кончил свое человек,
Если в старых часах стрекотанье цикад,

Если время стоит. И нельзя разобраться,—
Выход смерти, иль туфли слуги.
И спускается ястреб, сужая круги.
И туман амфилад. И светает. И братство.

2. ДОН КИХОТ.

Кончился отдых. Пора балаганить.
Странствовать. Верить в неправду.
Не разберешься три века в гиганте,
Кто он,—герой или автор.

Вот он,—по замыслам верст небывалых,
Хилый, коварный и старый,
В скалах кастильских, в безводных обвалах
С грубой досчатой гитарой.

Ревом ослов и похлебкой пословиц
Полнилось время. И снова
Дрогнули брови безумца. Не словишь
На слове сна напускного.

С дюжею девкой, звездой из Тобозо
Снов костыляют ходули.
Бурно развернута сельская проза
В годы скитальческой дури.

Бурно играет Сарвантес Саведра
В кости с грохочущей скукой.
Красные хари в харчевнях от ветра
Валятся в ящик для кукол.

Валятся жалкие мельницы, канув
Крыльями в желтое небо.
Только и гибнет, что рать великанов.
Только и было, что небыль.

Только и есть. Балаганъ. Декламируй.
Верь, что она белокура.
Слушай поток небывалого мира,
Старая карикатура!

3. КАРЛИК.

А в груди, что закрыта от света броней,
Тихо скорчился карлик дрянной.
Он балладам, и бредам, и бурям не рад,
Потому что он карлик и гад.

Он скользит. Он уперся углами колен
Между ребер моих и грозится:
—Скоро кончится, рыцарь, мой голод и плен!
—В голом поле ваш крест водрузится!

Черный карлик! Смотри, как опять засверкал
Древний вырез драконовых скал,
Как бушует весна, как морям не до сна,
Как ночная дорога ясна!

Сколько сотен во мне голосов! Узнаю
Всех, кто пал в сарацинской пустыне.
—Это я ваши ребра грызу и пою.
—Это кровь голубеет и стынет.

Черный карлик! работай, сгибайся в груди.
Разгадай мне, чей меч впереди,
Чья стрела впереди, чья перчатка, чей смех
Сокрушит мой тяжелый доспех.

Мне стрельчатые руки соборов клялись,
Что тревогой исполнится юность.
—Вам не камни клялись, а в лохмотьях кули
—Было жарко и некуда сплюнуть

—Не дракон вас искал у задебрянных скал.
—Это фокус бездонных зеркал.
—Так смотрите же в зеркало тяжко дыша:
—Тут кончается ваша душа.

4. ПОЖАР.

С. К. Штерн-Черной

Ты помнишь?
Скрещались под сабельный стук
Червонные звери геральдики древней
Мы вышли из башни.

Огонь, догорев в ней,
Зализывал спешно оконный уступ,
Метался под ветром.

И мы понеслись по некошенным рвам.
Нас вихорь от черной земли оторвал.
И вот уже в туче погоня лихая,—
И корчится чертополох полыхая.

На Альпах едва различали зарю.
Лил в Дании ливень.
На дюнах Бретани
Выл ветер.

Ты бредила:
—Пить. Я горю.
Вдруг стало невнятным твое бормотанье.

Все спуталось. Башня. Очаг непотухший.
Оленьи рога. И косматые туши
Кабанов. И кубки.
И незачем спать,
Когда рассветает опять...

Когда на подушках мой розовый зверь
В златом опереньи волос,
Когда столько
Еще не рассказано горестью стойкой
А только и помнится:
—Милая. Верь.
А только и есть, что конец.

Теперь мы посмотрим, чем кончится сон!
Был рвами мой старый пожар обнесен.
Что тлело в стропилах, качало, знобило,
Что снилось тебе, это все таки—б ы л о.

И снова я молод, безвестен, один.
И корчусь обугленным чертополохом.
Стать комьями глины,—и это не плохо.
Стать пеплом.
Но все таки мы победим!
А ты. Задыхайся. Во мне.

5. АКТЕР.

Лондонский ветер срывает мокрый брезент балагана.
Низкая сцена. Плошки. Холст размалеван как мир
Лорды, матросы и дети видят: во мгле урагана
Гопит за гибелью в небо пьяных актеров Шекспир.

Макбет по вереску мчится. Конь взлетает на воздух.
Мокрые пряди волос лезут в больные глаза.
Ведьмы гадают о царствах. Ямб диалогов громоздок.
Шест с головой короля торчит, разодрав небеса.

Ведьмы летят и поют. Ни Макбета больше, ни Кина.
В клочья разорвана страсть. Хлынул назад ураган.
Кассу считает директор. Полночь. Стол опрокинут.
Леди к спутникам жмутся. Заперт пустой балаган.

6. ВЛАДЫКА.

Он знатен и богат. И по ночам он курит.
Он оловянных глаз не в силах отвести
От вздыбленной воды в косматой рыжей шкуре,
От шторма, бешенно ревущего „прости".

В балансы мощь его разнесена до пенни,
Укрыта в формулы точнейших дисциплин.
Химерами витрин, приморских скрипок пеньем
Переливается его наследный сплин.

Он знает: это смерть. Идет в Музей и в Сити,
Пьет вина, спит с женой, скупает груды книг,
Считает золото... и жажды не насытив,
Предчувствует, что я к его окну приник.

А я—ничтожный червь. Я—выгнанный конторщик.
Я—цифры завиток в его сухом мозгу.
Пусть ветер чучелом меня в окне топорщит,
Пусть ливень бьет в лицо,—я говорить могу.

Я расскажу ему, что время перепашет
Накатанный асфальт, седые парки, рвы,
Что царство рыцарей, пиратов и апашей
Вновь превратится в пир некошенной травы.

И вспомнит песню он кирки в породах горных
И первых парусов разбойничий припев.
Он кинется назад от скоростей рекордных,
Хватая мой рукав и страшно захрипев.

И я услышу гул в его висках склерозных,
Увижу красных глаз безумные шары,
Глядящие в ничто, в трильоны верст морозных,
Где льды, не измотав зазубрин мишуры,

Сшибаются и пьют пространство бредовое...
Он руки хилые протянет в эту ночь.
Он крикнет: пощади! Тогда нас будет двое—
Навек... Но я ему не захочу помочь.

7. САНКЮЛОТ.

Мать моя—колдунья или шлюха.
А отец—какой то старый граф.
До его снятельного слуха
Не дошло, как юбку разодрав
На пеленки, две осенних ночи
Выла мать, родив меня во рву.
Даже дождь был мало озабочен
И плевал на то, что я живу.

Мать мою плетьми полосовали.
Рвал ей ногти бешенный монах.
Судьи в красных мантиях зевали,
Колокол звонил, чадили свечи.
И застыл в душе моей овечьей
Сон о тех несчастных временах.

И пришел я в городок торговый.
И сломал мне кости акробат.
Стал я зол и с двух сторон горбат.
Тут начало действия другого.

Жизнь ли это, или детский сон,
Как несло меня пять лет и гнуло,
Как мне холодом ломило скулы,
Как ходил я в цирках колесом,
А потом одной чертовке старой
В табакерки рассыпал табак,
Пел фальцетом хриплым под гитару,
Продавал афиши темным ложам,
И колбасникам багроворожим
Поставлял удавленных собак.

Был в Париже голод. По над глубью
Узких улиц мчался перекат
Ярости. Гремела канонада.
Стекла били. Жуть была,—что надо!
О свободе в Якобинском клубе
Распинался рыжий адвокат.
Я пришел к нему, сказал:

—Довольно,
—Сударь! Равенство полно красы.
—Только по какой линейке школьной
—Нам равнять горбы или носы?
—Так пускай торчат хоть в беспорядке
—Головы на пиках!
Я кричал:
—Не читайте, сударь, по тетрадке!
—Куйте сталь, покуда горяча!

Адвокат, стрельнув орлиным глазом,
Отвечал мне:
—Гражданин горбун!
—Знай, что наша добродетель—разум,
—Наше мужество—орать с трибун.

—Наши лавры—зеленю каштанов
—Нас венчает равенство кокард.
—Наше право—право голоштанных.
—А Версаль—колода сальных карт.
И гремел он до зари о том, как
Гидра тирании душит всех.
Не хлебнув глотка и ни присев,
Пел о благодарности потомков.

И пошла писать... У нас в костях
Ныла злость и бушевала горечь.
Перед ревом человечьих сборищ
Смерть была как песня. Жизнь—пустяк.
Духи мщенья! Как давно я знал их!
Как скреплял я росчерком счета,
Те, что пред'являла нищета,
Как скрипели перья в трибуналах!
Красен платежами был расчет!
Раз'езжали фуриями фуры.
Мяла смерть седые куафюры
И сдувала пудру с желтых щек.
И трясла их в розовых каретах,
На подушках взбитых словно крем.
Лихорадка, сжатая в декретах,
Нагота железных теорем.

Ветер. Зори барабанов. Трубы.
Стук прикладов по земле нагой
Жизнь моя—обугленный обрубок,
Прущий с перешибленной ногой
На волне припева, в бурной пене
Рваных шапок, ружей и знамен,
Где любой по праву упоенья
Может быть соседом заменен.

Я упал. Поплыли пред глазами
Жерла пушек, очи конских морд.
Гул толпы в ушах не замер.
Дождь не перестал. А я был мертв.

—Дотащиться бы,—успеть к утру хоть!—
Это говорил не я,—а вихрь.
И срывал дымящуюся рухлядь
Старый город с плеч своих.

И сейчас я говорю с поэтом,
Знающим всю правду обо мне,
О себе, о времени, об этом
Рвущемся к нему огне.

Разве знала юность, что истлеть ей?
Разве в этой ночи нет меня?
Разве день мой старше на столетье
Вашего младого дня?

И опять:
—Дождаться, доползти хоть!—
Это говорю не я,—а ты.
И опять задремывает тихо
Море вечной немоты.

И опять с лихим припевом вровень,
Чтобы даже мертвым не спалось,
По камням, по лужам дымной крови
Стук сапог, копыт, колес.

8. ЕЩЕ САНКЮЛОТ.

Лил дождь. И перестал. Мы подождем
Рассвета за грядою крыш горбатых.
Ты говорил вчера об акробатах,
О женщине, рожавшей под дождем
Во рву ненастной ночью?
Есть на свете
Еще вино, и поцелуй в глаза,
И дружба, и голосованье за
Республику, и рвущий шляпу ветер.

Послушай, друг!
Росло у короля
На жирной шее нечто вроде шара;
Имело уши и дела решало.
Скатился шар в корзину. Тру-ля-ля!

Но эта песенка едва напета.
Ее припев грядущему вменит
В обязанность услышать Эвменид,
Их мрачный хор о голове Капета.

Все вздор!
Тут ничего не решено.
Точнее все решается сегодня.
Вот почему я на рассвете поднял
Войну с добрососедской тишиной.

Друзья!
Клянусь вам званьем демократа
И братством меж народами—
(Не сметь
Смеяться!)—
Что не существует смерть.
Есть только жизнь, живущая стократно.
И каждый профиль грязный и худой,
Набор гримас на лицах безбородых
Пойдут в чеканку для других народов
Изображеньем славы молодой.

Нам зеркала еще нужней Вольтера,
Гражданских прав и ружей!
Потому,
Что смотрим мы не на себя—а в тьму
Дней и годов,
Сквозь нищету и террор.

Там в зеркалах—счастливая гроза
Над океаном участей плачевных.
Там время.
Там растрепанный учебник.
Там школьники, зубря нас и грызя
Вдруг начинают чувствовать скрипение
Осей вселенной и ее распад,
Играют в баррикады, крепко спят
И просыпаются.

ОБРУЧЕНИЕ ВО СНЕ

З. К. Б.

1.

Мне снился накатанный шинами черный асфальт.
Косматое море. Конец путешествия. Ветер.
И женщина рядом. И осень. И стонущий альт
Какой то сирены, какой то последней на свете.

Мне снилось ненастье под палубным тентом. И пир.
И хлопанье пробок. И звон бакарра. И не очень
Уже веселились... А все таки сон торопил
Вглядеться в него и почувствовать качество ночи.

И вот уже веса и контуров мы лишены.
И это свиданье—то самое первое в мире,
Которое вправе хотеть на земле тишины
И стоит, чтоб ради него города разгромили,

Мне женщина снилась... Как смела она променять
На фосфоресценцию моря, на фальшь этой сцены,
На подлые губы альфонса свой облик бесценный!
Как смела смеяться она и забыть про меня!

В зеленую толщу стекла и в смеженные веки
Бил пульс как машина. Светало. Потом рассвело.
И сон понимал, что он все потеряет навеки,
И будет несчастен, что это его ремесло.

2

Вот опять загорелся описанный точно,
До мизинца разыгранный город.
И там,—
По горячим следам, по сгоревшим мостам,
Под стеклом ювелира и в жолобе сточном,
Между льющихся лиц и лежалых вещей,—
Посвети напоследок, найди мою старость,
Дай мне руку!

Скриплю я как дохлый Кащей.
Но и ты ведь в одних зеркалах разблистalась.

Посмотри!
Вот ползет красноглазый старик,
Заштрихованный снегом на скользком бульваре.
Есть и флейта у этой трагической твари,
А у флейты от холода скрюченный крик.
Это Торреадор и пролог из Паяцев.
Узнаешь? Это я.

Но еще не конец!
Можешь спать и не спать, целовать и смеяться
Он не спутник тебе, не жених, не отец.
Он когда-то согрел тебя в жарких ладонях.

Посвети напоследок, лихой огонек!
Видишь?
Вот уже время свернулось у ног.
И кончается песня.
Ты медленно тонешь.

А теперь у него за душой ни гроша,
Ни бульвара, ни ярко накрашенной крали,
Ни возврата, ни памяти.

Слушай, душа!
Даже если бы люди сто раз умирали,—
Прочен треск механизма.
Цепляйся и ты
За глоток ледяного дыханья во флейте.
Мимо, люди! Не бойтесь его. Не жалейте.
Он еще не задохся.

3.

Я не хочу забыть тебя. Я слушал,
Как время льется в бешенной гульбе.
Я буду говорить как можно суше,—
Почти молчать. Но об одной тебе.

Почти молчать. Почти ломая руки,
Забыв лицо, походку, платье, смех.
Накручивая цирковые трюки
На ненависть мою. Чтобы для всех

Казалось, что коптилка не потухла,—
Чтобы, по крайней мере хоть дразня,
Скрипучая и розовая кукла
С твоим лицом шла около меня.

4.

Прощай, моя память!
Напрасно в полмира
Ширял мне снопами
Прожектор полярной Пальмиры.

Он только и вырыл,
Что рытвины в тучах,—
Безглазые дыры
На лицах любимых и лучших.

Напрасно в вагоне,
Во мгле заоконной
Была ты погоней—
Лирической, факельной, конной.

Была ли ты тенью,
Актрисой, подростком...
Бессильно смятенье,
Смешна бутафорская роскошь.

Нас ночь не вязала
Серебрянным ливнем.
Не снились вокзалы,
Огни городов не прошли в нем.

И дальше... и даже,
Где юность я бросил,
Пошла распродажа
Театров, романов, ремесел.

5.

Двоились рельсы. Сумрак сиплым
Свистком искромсан был. Вихор
Седого дыма сорван. Липло
К лицу пространство. Сосен хор
Промчался, чтобы вечно мчаться
И вновь роптать под ветром сим
В черновиках ночного часа,
В сырье несущихся трясин.
И мчались и крепчали мысли.
Качались сонные глаза.
С отчаянным припевом грызлись
Посапывая тормоза.

Уже за мглой благоуханной
Ломился в окна гул морской.
Свисток томился колыханный
Нечеловеческой тоской.

Все было просто: ночь, дорога,
И даже человек был прост.
Уже усталого не трогал
Столбов летящих перехлест.

Все безупречней и бесспорней
Двоилась рельсами для глаз
Ночь, фантастическая в корне,
Перерешенная сто раз.

Уже душнее всех безумий.
Уже нужнее всех вещей.
Уже добрее и беззубей
Самой души. И вообще -
Уже светало.

Слушал я детский твой голос,
Впутанный в звон проводов.
Помнил на площади голой
Золотом шитый подол.

Злыми свечами багримы
Доски и паддуг тряпье.
В зареве синего грима
Видел я сердце твое.

Шла ты по крышам и тучам
В льющейся шали до пят.
В горечи славы. В гнетущем
Счастьи – родиться опять.

Помнишь? Театра младого
Мрачно разубран чертог.
Кончилось. Значит, мы дома.
Дождь разделил нас чертой.

Помнишь ты сумрак вагонный,
Призраки станций и почт?
Будешь теперь Антигоной
Всем, кто ослеп в эту ночь?

7.

И если судорожного спуска
Чеканка так кончается,—
Так оттого и стало пусто.
И не с чего отчаяться.

Так расстаются духи света—
Зеленой вспышкой в дугах вольтовых.
Так начиналась прелесть эта
Висков и губ горячих соль твоих,

А там в трильонах верст мороза,
На каждой из планет—
Все та же рифма, та же роза?
Смеешься? Смерти нет?

Хотел я в дыме свеч нести,
Поднять над сонной сценой
Стеклянный глобус вечности
Подарок твой бесценный.

Я думал—ты придешь, как вихрь
С охрипшей стаей гончих.
Оставишь только жизнь в живых,—
А остальное кончишь.

Но время шло. И кровь гудела.
Болезнь была проста.
Ответь! Что мне с тобою делать?
Да? Это то? Ты та?

8.

Я думал, что так начинается век,
Последний для нас для обоих,
Что это пустяк, и что я человек,—
А ты—как цветок на обоях.

Но в двадцатиградусный дикий мороз
Прожекторы сшиблись снопами.
И в город, где я задыхался и рос,
Твоя возвращается память.

На крыши, на пиршество туч погляди:
Все в жизни—как ты приказала.
Все гибнет. Осталась одна впереди
Тревожная гулкость вокзала.

Там льется по шпалам, по штабелю дров
Метелью взлелеянный лепет.
Там льется твое леденящее кровь
Тифозное великолепье.

Я имя твое берегу про запас.
Когда нибудь,—может быть,—вспомнят.
Я все-таки вырвал из времени,— спас
Тебя от безжалостных комнат.

Такая повадка у мглы снеговой,
Такая на юности маска,
Такая тоска, что я все-таки твой —
И все-таки на смерть истаскан.

9.

Без фраз, без римских свеч. Игры не стоят свечи.
Без треска тысяч вольт, без флагов и без труб.
Скинь пестрое тряпье, ступай в закут овечий.
Осталась жизнь тебе и муравьиный труд.

Спи в хоровом „Прощай" из наших сиплых глоток.
Работай, пой, крепись, жди, песня до поры.
Одна обязанность у гибнущих пилотов,—
Тушить огарки звезд, не стоющих игры.

Будь призраком, цветком, безделицей, фарфором.
Мы допоем тебя, откинув дым со лбов.
Крепчает наш мороз, гудит железный форум.
Он стоит свеч твоих. И это есть любовь.

10. ДЕБЛЬ-Ю (W)

Я праздновал дикую свадьбу мою
И череп соперника поднял:
Да здравствует истина, сер Дебль-Ю!
Да здравствует ночь преисподней!

И сер Дебль-Ю проскрипел мне в ответ,
Скучая скуластым челом:
— В итоге всех бед, и обид, и клевет
— Пошло мое счастье, мой верный клеврет,
— Пошла моя сила на слом.

— На жесткой постели я сплю, не верчусь.
— Лишь ревность меня еще душит.
— И потусторонняя музыка чувств
— Бушует в обвалах подушек.

Нет! песня моя не о том сложена,
Какая вам долгая ночь суждена.
Как спится вам, сер Дебль-Ю,
Я знаю, что будет верна мне жена.
Я пьян, но я крепко стою.

И он отвечает:
— Что делать вам с ней,
— Избранницей звездного клира?
— Я навзничь ее опрокину во сне
— И выгну как звонкую лиру.

— И в хрусте моих отвалившихся рук,
— В звенящих под стужей костях
— Жена, ваша радость, почувствует вдруг
— И вспомнит она, что я — рыцарь и друг,
— Что все остальное — пустяк.

З А С Т О Л Ь Н А Я

Где маленьких звезд зеленели кусты
Над смертью серебряннокосмой,—
Чреватая будущим ночь,—только ты
Услышишь без имени тост мой.

Еще раз: пусть будет без имени тост!
Гордись ювелирной чеканкою звезд,
Будь счастлив, закон тяготенья!
Скрещайтесь электро-моря и заря!
Вещанное сбудется. Юность не зря
Обвенчана с собственной тенью.

Звезда моя! Будь на чеку, не старей,
Не верь этим разноголосьям.
Я пью черноту городских пустырей
И окна раскрытые в осень,

И горечь ненастья, и музыки мощь,
И спор о грядущем, и ветер, и дождь,
И тучи от брега до брега.
От брега до брега, окна до окна—
Над пуншем огонь и подруга-луна.
И нам далеко до ночлега.

НАШЕ

В легчайшем глотке кислорода
Узнаешь ты,—только свяжись,—
Как переселенье народов
Обозами врезалось в жизнь.

Сильнее, чем горе и голод,
Яснее тифозного сна —
Лавина славян и монголов —
И рельсы — и смерть — и весна.

Но то, что росло, распирая
Гроба человеческих лбов,
Несло из губернского края
В разбеге шлагбаумных столбов.

Прожгло нескончаемым горем
Пространство полярной зимы,
Евангельем и алкоголем
И Гоголем выжгло умы,—
И гибелью,— все это мы.

Да, мы! И сейчас же и тут же,
Где шел сотни раз Ревизор,
На жуткий просцениум стужи
Бьют свечи несобыточных зорь.

В кольце этих пыльных бульваров,
В теснине заляпаных стен,
Над хаосом флагов, товаров,
Театров, и книг, и антенн,—

Москва! Это мы. Это наше —
Несущееся сквозь года,
Студенческое и монашье
И нищенское навсегда..

НЕВА

Над Балтикой дымно, как в портерной.
Вода в леопардовых пятнах,
Графитом исчерчена дочерна
Толчется в наплывах попятных

Сжав троссы в костлявой руке,
Спросонок, нечесанный, сиплый
Весь город из вымысла выплыл
И вымыслом рвется к реке.

И ужас на клоунски жалостных
Простуженных лицах. И серость.
И стены. И краска сбежала с них.
И на-двое время расселось.

И будто на тысячах лиц
Посмертные маски империи.
И будто гусиные перья
В пергамент реляций впились.

И в кущой шинели, без имени
Безумец, как в пушкинской ночи,
Еще заклинает:
— Срази меня!
— Залей, если смеешь и хочешь!

— Я выстоял.
— Жег меня тиф.
— Теплушек баюкали нары.
— Но вырос я сверх ординара,
— Сто лет в один год отхватив.

— Вода хоть два века бежала бы,
— Вела бы в дознаньи жестоком
— Глухие сутяжные жалобы
— По гнилостным руслам и стокам.

— И вот она хлещет.
— Смотри,
— Ты, демон в латинской кольчуге:
— Костры. Половодья. Лачуги.
— Стропила. Заря. Пустыри.

— И я этим розовым заревом
— Клянусь, что в огне не сгораю,
— В воде не тону.
— Не оспаривай
— Мандат мой для это края!

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Мы знаем: глаза телескопов
Потеют и слепнут
В полях запредельного льда.
И сыплются кости раскопок.
И мраморы склепов крошатся.
И мчатся года.

И силы в мильоны эонов,
Шипящие глотки
Накаченных злых примусов
Несут по ночам упоенно
Несложную службу
По выдумке снящихся спов.

Мы спим. Ни морей, ни америк,
Ни тайны за льдами Памира,
Ни пляски химер,
Ни песни, которая мерит
Развалины мира
На свой молодой глазомер.

Ни скрипок, ни вихрей Валькирий...
Пюпитры повалены.
Свернуты ноты. Светло.
В одном только тощем факире
Нечленораздельное
Бьется еще ремесло.

Вот все, что от бога осталось.
Прощайте, прощайте,
Пещерные пращуры гроз!
Мы все без ночлега под старость.
Скрежещут пропеллеры.
Небо. Крепчает мороз.

Г А М Л Е Т

1.

На лысом темени горы,
В корнях драконьих нор
Сверкает прочный до поры
Веселый Эльсинор.

Златится плющ. Бегут года,
Свой срок отпировав.
Мосты скрипят как смерть. Вода
Гниет в лиловых рвах.

Ум человека чист, глубок
И в суть вещей проник.
Спит на ковре исландский дог.
Мерцают груды книг,

Рапира, глобус, плащ, бокал
И чучело совы.
А в окнах гипсовый оскал
Отцовской головы.

Там, в амбразуре снеговой
Застыл на триста лет
В короне вьюги как живой
Серебряный скелет.

2.

И петухи поют. И время
Летит. И мертвые мертвы.
Все сжато в ясной теореме.
И Гамлет слышит рост травы,
Ход механизмов, звон стаканов,
Войну гипотез и систем,
И распри мрачных великанов,
Которых он позвал затем,
Чтоб наконец то, как бывало,
В их обществе понять себя,—
Быть гулом горного обвала,
Жить,—ненавидя и любя.

3.

Рви окна, жгучая метель!
Спи, если можешь спать, измена!
Была жестка его постель,
Ночь одинока и надменна.

Он декламирует стихи
Так, что в полнеба отдается,—
Силен участием стихий,
Измучен маской идиотской.

И в час, когда свистит сарказм
По спинам лысых лизоблюдов,
Явилась ко двору как раз
Орава ряженного люда.

Он знает, нет им двадцати
И денег нет... но это мимо!
— Друзья, пред тем, как спать идти,
— Сыграйте людям пантомиму!

4.

Выросли башни стволами вокруг
Траурной сцены. И вот
В ствольные связни органовых труб
Сдвинулся их хоровод.

Встали столетья,—как башни, как сто
Старых статистов окрест.
Хриплые цепи под'емных мостов
Подняли дыбом оркестр.

Ночь отзвенела крестами рапир.
Сердце зальдело судьбой.
Руки Офелий и фей сквозь эфир
Друга влекут за собой.

Слушайте:
—Твой ли чернеет венец?
—Ты-ль мне отец и король?
„Я над тобой, под тобой первенец.
„Hic et ubique—пароль.

Нет. Не латынь и не книги. Вчера
Это из вьюги самой
В тлевших стропилах торчало с утра.
Это сегодня со мной!

5.

Та жизнь под женский визг и треск литавр
Носилась где-то, шла во мне самом.
И комментатор облекался в траур
Наедине с моим сухим умом.

И триста лет меня любила юность
За фальшь афиш, за лунный сон кулис.
Мы целовались там, где негде сплюнуть,
Где нечем жить,—мы жизнию клялись.

Я ждал событий. Я дышал в растущем
Очарованьи горя жадным ртом.
Потом, когда мой занавес был спущен,
И брошен в люки крашеный картон.

И собственному утомленью предан,
Я понял, до чего оно старо,
И за досчатым перебором бреда
Скрипел кассир, считая серебро, —

Тогда какой-то зритель благодарный
Пил пиво, жалкой веры не тая,
Что он—бесплотный, юный, легендарный,
Что он—такой же Гамлет, как и я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. ПОЭТ.

Я не колдун, и не скелет,
И не актер... Мне тридцать лет.
Мне десять тысяч дней.
Поют в театрах. Спят в домах.
Жизнь рада, что поэт впотьмах
Орудует над ней.

Спи, милая. Не знаешь ты,
Как буря черной красоты
Твоей мне дорога.
Собакой, лампой, ветром будь,
Всей ночью, иль хоть чем-нибудь,—
Спи, жизнь! Я твой слуга.

Я говорю с тобой, как ритм.
Как с паром поршень говорит.
Как с женщиной глупец.
Как с молнией громоотвод.
Как Гамлет с призраком. И вот—
Все сказано. Конец.

2. РЕМЕСЛО.

Сегодня ночью ни фантасмагорий,
Ни сцены в озареньи тысяч свеч.
Неприбранное будничное горе—
Единственная стоющая вещь.

Одень ее в шелка или в железо,
Дай ей одно иль множество имен,—
Какие там подробности ни лезут,—
Но если ты несчастен и умен,

И если звон последних медных денег
Знаком тебе, и вышел твой табак,
И если так пошло твое паденье,
Так мешкотно и незаметно так...

Тогда не спи всю ночь! Крепись, товарищ!
Еще не все потеряно. Еще
На собственной золе ты песню сваришь,
Чтобы другим дышалось горячо.

Ты будешь весь в поту, в соленой пене,—
Не человек, а отданное в рост
Немое медленное упоенье
Тумана, ветра, времени и звезд.

Ночь бредит рынком, руганью и рванью.
Чужая жизнь. В ней места нет двоим.
Но у нее есть это дарованье—
Казаться собеседником твоим.

3. ПУШКИН.

Ссылка. Слава. Метель. И опять
В очи кинутся версты и ели.
Путь далек. Ни проснуться, ни спать,—
Даже после той подлой дуэли.

Вспоминает он сказочный дол,
Бушевание Черного моря,
Чей то золотом шитый подол,
Буйный табор, чертог Черномора.

Мечет молнии бешенный взор.
Дышат мощью развалины зорь.
Сатанеет неконченный праздник.
Жизнь грозна и прекрасна и дразнит

Это песня во время чумы.
Смех в ответ на шаги Командора.
Он сегодня знаком нам и дорог.
Это время ломает умы
И пожаром врезается в город.
Это наши года. Это мы.

И над серостью финского брега.
Где расплющил змею истукан,
Та же ночь из ненастного бреда
Закипает, как пенный стакан.

И звенит по торцам этот топот.
Оживает бездушная медь.
Жизнь прекрасна – и смеет шуметь,
Смеет быть и чумой и потопом.

Заливает! Снесла берега!
Залила уже книжные полки!
И тасует колоду карга
В гофрированной белой наколке...
Но и эта нам быль дорога.

Это свищут сквозь режущий вихорь
Полосатые версты дорог.
И смеется та бестия тихо...
Но не сдастся безумный игрок.

Все на карту! Наследье усадеб,
Родовое бессудье и грусть,
Скалы на море в пенной осаде,—
Все на пулю, которую всадит
Кто в кого—неизвестно! И пусть!

Мчится дальше бессонная стужа...
Так постой! Оглянись хоть на миг!
Он еще существует. Он тут же—
В наших комнатах, в книгах немых.

Это снова божественной бронзой
Загудели ночные дома.
Это в жизни прекрасной и грозной
Сила чувства и смелость ума.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Вступление 3

ФИГУРЫ

1. Старик 5
2. Дон-Кихот 7
3. Карлик 9
4. Пожар 11
5. Актер 13
6. Владыка 14
7. Санкюлот 16
8. Еще санкюлот . . 20

ОБРУЧЕНИЕ ВО СНЕ

1. Мне снился... . . . 22
2. Вот опять загорелся... 23
3. Я не хочу... 24
4. Прощай, моя память 25

Стр.

5. Двоились рельсы... 26
6. Слушал я... 27
7. И если судорожного спуска 27
8. Я думал, что так... 28
9. Без фраз, без римских свеч... 29
10. Дебль-ю 30

Застольная 31

Наше 32

Нева 34

Гибель богов . . . 36

Гамлет 38

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Поэт 42
2. Ремесло 43
3. Пушкин 45

25
163080/683

КНИГИ
ПАВЛА АНТОКОЛЬСКОГО

СТИХОТВОРЕНИЯ
Госиздат 21 г. Ленинград—Москва
(распродано).

⁂

З А П А Д
Книгоиздательство „УЗЕЛ" 1926 г.
Москва.

⁂

ТРЕТЬЯ КНИГА
Издательство Моск. Цеха Поэтов
Москва, 1927 г.

⁂

Т Е А Т Р
Драматические поэмы. (Готовится к печати.)

2

Цена 75 коп.